

Политические системы частично признанных государств: проблема оценки стабильности

Айнар Отариевич Ласария

Эксперт Национального исследовательского института развития
коммуникаций, Москва, Россия

las.ain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и пределы оценки стабильности политических систем в частично признанных государствах. Автор исследует особенности, свойства и характеристики центральных феноменов – «политическая система», «стабильность», «устойчивость», «частично признанные государства». Значительное внимание сосредоточено на установлении различий и сходств между понятиями «стабильность» и «устойчивость». Актуальность исследования определяется необходимостью установления связей, состоянием политических систем, частично признанных государств от внешних и внутренних политических процессов и отношений.

Методологической основой исследования выступают: общенаучный и системный методы, структурно-функциональный и сравнительно-политологический методы, контент-анализ историко-правовых документов. Выбранная методологическая база обуславливается двумя факторами: первый – современные тенденции, закономерности и процессы поступательного развития отечественной и зарубежной политической науки; второй – авторская позиция исследователя.

Результаты исследования указывают на возможную состоятельность оценки стабильности политических систем частично признанных государств, с учетом особенностей их политической культуры. В то же время внешние факторы, определяющие отдельные, но существенные элементы политической системы частично признанных государств, свидетельствуют о характерной неустойчивости политических систем исследуемых политий.

Ключевые слова: политическая система, стабильность, устойчивость, частично признанные государства, индексы стабильности

Для цитирования: Ласария А.О. Политические системы частично признанных государств: проблема оценки стабильности // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 50-62. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-50-62](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-50-62)

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-50-62](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-50-62)

Political systems of partially recognized states: the problem of assessing stability

Aynar O. Lasariya

Expert of the National Research Institute for the Communications Development,
Moscow, Russia

las.ain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>

Abstract. The article discusses the possibilities and limits of assessing the stability of political systems in partially recognized states. The author explores the features, properties and characteristics of the central phenomena – «political system», «stability», «sustainability», «partially recognized states». Considerable attention is focused on establishing differences and similarities between the concepts of «stability» and «sustainability». The relevance of the study is determined by the need to establish links between the state of political systems, partially recognized by the state from external and internal political processes and relations.

The methodological basis of the study is: general scientific and systemic methods; structural-functional and comparative political methods; content analysis of historical and legal documents. The chosen methodological base is determined by two factors: the first is modern trends, patterns and processes of progressive development of domestic and foreign political science; the second is the author's position of the researcher.

The results of the study indicate the possible validity of assessing the stability of the political systems of partially recognized states, considering the peculiarities of their political culture. While, as external factors that determine individual, but essential elements of the political system of partially recognized states, they indicate the characteristic instability of the political systems of the studied polities

Keywords: political system, stability, resilience, partially recognized states, stability indices

For citation: Aynar O. Lasariya. Political systems of partially recognized states: the problem of assessing stability. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 50-62. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-50-62](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-50-62)

Введение

Вопросы стабильности и устойчивости политических систем весьма актуальны для современной политической науки. Не менее глубокий интерес для гуманитарных и социальных наук представляют приращения новых знаний по части подходов и механизмов определения факторов устойчивости и стабильности политических систем частично признанных государств, движущихся в траектории становления институтов государственной власти по конституционно-правовым лекалам современных развитых стран.

Цель исследования – установить пределы и возможности оценки стабильности политических систем частично признанных государств.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают: компаративистский (сравнительно-политологический), системный и общенаучный подходы. Выбранная методологическая база обусловливается двумя факторами: первый – современные тенденции, закономерности и процессы поступательного развития отечественной и зарубежной политической науки; второй – авторская позиция исследователя.

Необходимо отметить важность и значимость междисциплинарного научного метода в достижении поставленной цели. Настоящее исследование опирается на теоретико-методологические парадигмы смежных отраслей научного знания, таких как: теория политики, этнополитология, сравнительная политология, социология, философия, история и другие гуманитарно-обществоведческие дисциплины.

Анализ стабильности политических систем частично признанных государств требует если не детального, то по меньшей мере формального уточнения понятийного содержания центральных категорий, а именно – «политической системы», «устойчивости» и «стабильности». Поскольку категории «политическая система» и «стабильность» являются предметом настоящего анализа и, соответственно, целесообразность конкретизации их сущности вне сомнения, то уточнение объема понятия «устойчивость» требуется для понятийной демаркации с характеризующими признаками стабильности. Тем самым подчеркивается их несомненная каузальность, но не тождество.

Теория и методология политических систем – в достаточной мере разработанное направление в политической, философской и конституционно-правовой науках. Политическая система как социальная и отчасти политико-философская категория разработана и формализована в научных трудах известных исследователей: Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча и других – как зарубежных, так и отечественных – исследователей.

Не концентрируя чрезмерного внимания на эволюции социально-политической мысли о сущности и природе политической системы, отметим, что под употре-

бляемым термином «политическая система» в широком смысле подразумевается совокупность всевозможных отношений, охватывающих управление государством и протекающие внутри государства различные социально-политические процессы (8, с. 126). Как отметил С.Э. Билюга, лишь к началу XXI века политическую систему стали истолковывать в качестве целостной, упорядоченной суммы политических институтов, политических отношений и процессов, роли и предназначения субъектов политических отношений и процессов, принципов функционирования властных отношений (2, с. 46-56).

Результаты исследования

Очевидно, что базисом существования политической системы является сохранение и поддержание как ее стабильности, так и устойчивости.

Актуальность современных исследований политической стабильности обусловлена незаурядным свойством самой политической науки, а именно – отсутствием общепринятого толкования, единства в определении сущности и специфики «стабильности» в непосредственном политическом измерении. Диалектика, как и интерпретация, отдельных элементов этого явления и в целом объема понятия для отечественных и зарубежных исследователей зачастую разнятся в эмпирическом, семантическом и других отношениях.

Одно из объяснений этого обстоятельства – глобализационные, геополитические, экономические, социальные, культурные и другие, связанные с политической сферой, процессы, которые существенным образом корректируют архитектуру современного миропорядка, а он, в свою очередь, ретуширует пределы и параметры функционирования политических систем современных государств.

Для американского политолога, основоположника теории структурного реализма Кеннета Вальца стабильность – это такое состояние системы, при котором она сохраняет свои жизнеспособные функции (то есть существует) и не разрушается (16, р. 174). Подход не лишен недостатка, поскольку диагностировать состояние стабильности системы возможно посредством бинарности этого политического явления (состояния), используя антитезу. Таким образом, политическая система может находиться в стабильном либо нестабильном состоянии, сохраняя неотъемлемые институциональные свойства политического организма. В то же время сохранность или утрата функций, поддерживающих жизнеобеспечение, могут указывать на стойкость либо деструкцию институциональных основ политической системы, что свидетельствует об устойчивости системы в принципе. Некоторые крупные исследователи институционального и неинституционального подходов указывают на непосредственную связь стабильности с самим государством, являющимся универсальным политическим институтом, цель которого – сохранение правящей власти, суверенитета и территориальной целостности (13, р. 1-25).

По мнению А.С. Макарычева,

...стабильность представляет собой многомерное понятие, вбирающее такие характеристики, как сохранение системы правления, гражданского порядка, легитимности и надежности управления. О стабильности следует говорить лишь в компаративных категориях: политическая система может быть охарактеризована как более или менее стабильная в сравнении либо с другими системами, либо с тем режимом, в котором она функционировала раньше. (9, с. 149-157)

Политическая стабильность может характеризовать баланс внутренних и внешних политических отношений, отражая степень уравновешенности в соотношении сил и предоставляя варианты использования политических мер для сохранения имеющегося положения, как и для укрепления основ функционирования действующей власти и социума (10, с. 1-9). Как справедливо отметил А.И. Соловьев, политическая стабильность является наиболее значимой целью и ценностью как для действующей власти, так и для общества в целом (10, с. 1-9).

Пределы понимания сущности понятия «стабильность» наиболее оптимально раскрывается через установление объема понятия антитезы «нестабильности». В упрощенном смысле нестабильность предполагает неспособность политической системы удерживать или справляться с деструктивными трансформациями. Формы проявления нестабильности варьируются в зависимости от баланса общественно-политических сил, особенностей принятия государственно-управленческих решений и др.

Дестабилизация формы правления демократического государства при угрозе зависит от следующих обстоятельств: во-первых, от наличия либо отсутствия «расколов» в обществе по социокультурным, идеологическим, социально-экономическим основаниям; во-вторых, от уровня поддержки населения страны действующего демократического режима (9, с. 149-157).

Говоря об «устойчивости», следует обратиться к М.В. Вилисову, К.О. Телину, К.Г. Филимонову, полагающим, что

...устойчивость – состояние государственной системы, позволяющее ей воспроизводиться и реализовывать полномочия, которыми наделен правительственный аппарат и государственные институты в целом, тем самым достигая равновесия, обеспечивающего ее функционирование. (4, с. 7-27)

Исследователи используют категорию «государственная система», а не «политическая», что, как они полагают, оправдывается удачной возможностью зафиксировать центральный объект исследования – государство, а также практические аспекты государственного управления и системы властных отношений. Однако нельзя не отметить дискуссионность данного подхода.

Между тем зарубежные академический и политологический дискурсы, связанные со состоятельностью государств, периодически обновляли понятийно-ка-

тегориальный аппарат рассматриваемых в текущей статье категорий, на смену «несостоявшихся государств» приходили сначала «неустойчивые государства», позднее – «неустойчивые состояния», а в последние два десятилетия широко используется категория «устойчивость» и другие сопряженные по смыслу и содержанию термины (1, с. 26-41). Так, под понятием «несостоявшееся государство» (“failed states”), как следует из анализа теоретических положений западных исследователей, понимается признанный субъект международного права, по различным причинам утративший часть атрибутов и/или не выполняющий базовые функции суверенного (состоявшегося) государства, а не, как может показаться, изначально непризнанное и/или частично признанное государство. Однако, российский исследователь А.Г. Большаков в своей работе указывает на то, что несостоятельность государства диагностируется по нескольким индикаторам, одним из которых является непризнание их субъектности мировым сообществом, то есть субъектами международного права (3, с. 105-124). С этим сложно согласиться, поскольку де-юре политический статус непризнанных и/или частично признанных государств указывает на процесс становления, развития политических институтов, не приведший к апогею самой суверенизации – признанию мировым сообществом, но удаляющий от точки бифуркации.

Наибольший интерес по части определения объема исследуемых понятий представляет институциональный подход в трактовке Р. Ротберга, основанный на бинарной матрице «способности» и/или «желания» институтов государственной власти поддерживать функционирование (15, р. 1-25). Этот подход воспроизводит параметры устойчивости в четырех конфигурациях, которые можно экстраполировать на состояние устойчивости политической системы (Таблица 1).

Таблица 1. Оценка состояния устойчивости: бинарная матрица
Table 1. Assessment of the stability state: binary matrix

Состояние	Соотношение	
	Способность	Желание / готовность
Устойчивое	+	+
Уязвимое	+	–
Неустойчивое	–	+
Критическое	–	–

Вместе с тем политическая система, как и любая другая, устойчива в том случае, когда она находится в равновесном состоянии при соблюдении необходимых внутренних параметров с целью поддержки общественно-политического строя и выполнения базовых функций, возложенных на институты государственной власти.

Устойчивость имеет более выраженный статичный характер, в отличие от стабильности, которая может варьироваться в зависимости от колебаний непостоянных элементов политической системы в заранее предусмотренных пределах. Вероятно, если оценка состояния устойчивости политической системы – крайний рубеж изме-

рения жизнеспособности политических функций государства, то оценка стабильности политической системы может диагностировать в перспективе корректируемые, промежуточные или пороговые значения отклонений в политическом процессе и отношениях.

Существенно и то обстоятельство, на которое обращают внимание отечественные исследователи, а именно: пороговые значения в разных политических системах могут отличаться в зависимости как от тенденций и закономерностей политических процессов и отношений, так и от особенностей сложившейся общественно-политической конъюнктуры (5, с. 19-28). Без всякого сомнения, любая политическая система имеет особую, аутентичную характеристику, исторически обусловленное и сформированное политическое сознание, систему общественно-государственных идей или взглядов (идеологический элемент), традиции политических отношений, форм взаимодействия между обществом и государством.

Таким образом, критерии и показатели политической стабильности не могут быть универсальными и всеобъемлющими, соответственно, по умолчанию экстраполированы и спроецированы на все политические системы государств без исключения.

Примечательны приведенные Х.А. Гаджиевым и А.С. Семченковым примеры социально-политических процессов в Венесуэле в 2002 году и Турции в 2016 году, где политическая «турбулентность» спровоцировала политическую нестабильность. Однако последующее «выравнивание» (нормализация обстановки практически сразу после пройденных потрясений) проявило высокую устойчивость политических систем в указанных странах (6, с. 161-194).

Установив структуру и содержание категорий «политическая система», «устойчивость», «стабильность», требуется определиться с технологией и способом оценки стабильности политической системы частично признанных государств. Не зря М.В. Вилисов, К.О. Телин, К.Г. Филимонов отмечают, что отечественные и зарубежные исследователи дискутируют о категориях «состоятельности» и «результативности», «дееспособности» и «равновесия», «устойчивости» и «стабильности», в то время как международные индексы, измеряющие государственные и политические системы, используют такие критерии, как «конкурентоспособность», «хрупкость», «трансформация» и др. (4, с. 7-27).

Для фиксации и оценки состояния стабильности политической системы разработано множество рейтингов, фокусирующих внимание на особенных компонентах политических систем и политических режимов. Значительное количество рейтингов анализируют преимущественно признанные, состоявшиеся субъекты международного права (государства) и не учитывают частично признанные и непризнанные, рассматриваемые чаще как сепаратистские территориальные структуры, угрожающие стабильности территорий суверенных государств, от которых они отделились или провозгласили независимость.

Существует некоторое множество индексов и параметров оценки с центральным знаменателем – стабильностью (в том числе устойчивостью) политической си-

стемы. Вслед за Х.А. Гаджиевым и А.С. Семченковым выделим наиболее аналитические состоятельные и релевантные среди них:

1. Индекс стабильности политической системы (PSSI), разработчики – Д. Гендель, Г. Вест, Р. Мидоу, в основе индекса – социальные, экономические показатели, состояние политической конъюнктуры, наличие или отсутствие политических конфликтов.

2. Индекс политической стабильности и отсутствия насилия (PSAV), разработчики – Д. Кауфманн, А. Крааи, М. Матруцци, в основе индекса – способность действующей власти сохранять прежнее положение, уровень политического насилия, конфронтации на внешнем политическом контуре, напряженность в обществе по социально-культурным основаниям.

3. Индекс политической нестабильности (PII), разработчик – журнал *The Economist*, в основе индекса – прогнозирование и анализ вероятных предпосылок для дестабилизации посредством протекающих социальных, экономических и политических процессов.

4. Индекс несостоявшихся и хрупких государств (FDSI), разработчик – Канадское агентство международного развития, в основе индекса – измерение качества управления, состояние экономики, безопасности и преступности, уровень человеческого потенциала, демографическая обстановка и экология.

5. Индекс хрупких государств (FSI), разработан в рамках проекта Фонда Мира, в основе индекса – измерение уровня внутригосударственной напряженности по социальным индикаторам: национальной, религиозной, конфессиональной, лингвистической, классовой, территориальной и других принадлежностей.

6. Индекс государственной хрупкости (SFI), разработан в рамках проекта Центра систематического мира, в основе индекса – измерение способности управлять внутренними конфликтами, разрабатывать и реализовывать государственную политику, предоставлять государственные услуги в социальной сфере, поддерживать высокий уровень жизни и др.

7. Индекс слабости государств в развивающемся мире (ISWDW), разработчики – С. Райс и С. Патрик, в основе индекса – измерение состояния экономики, политики, безопасности, социальной среды.

Целевое предназначение проиллюстрированных индексов – измерение политической стабильности в признанных странах, в то время как специфика частично признанных государств, их стартовые возможности и ресурсы не учтены. Важно отметить, что определение термина «частично признанные государства», равно как и другие исследуемые категории настоящей работы, носит завидную степень неопределенности как в политологической теории международных отношений, так и в правовой теории государства и права. Наряду с термином «частично признанное государство», зачастую в том же смысле применяются: «непризнанное государство», «частично признанное государство», «самопровозглашенное государство / республика» и т.д.

Справедлива ремарка Н.А. Добронравина о том, что выбор того или иного термина в отношении конкретного явления, зависит от предпочтений самого исследо-

вателя или от политической риторики государства, в академической среде которого находят свое отражение исследования (7, с. 5). Так, в отечественных научных трудах до 2008 года, рассматривавших специфику абхазской и югоосетинской государственностей, повсеместно использовался термин «непризнанные государства», позднее, после признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии Россией, в политологическом дискурсе был введен термин «частично признанные государства», используемый и поныне.

Частично признанные государства имеют ряд важных особенностей, характеризующих их политические системы. Ключевая особенность – их парадоксальное состояние: с одной стороны, во взаимообусловленности, с другой – в существенном удалении от региональных политических процессов и мировых политических трендов. Эти проявления имеют дисперсный характер, особое внутреннее и внешнее выражение, предельно точно иллюстрирующее имеющиеся проблемы оценки стабильности политических систем частично признанных государств.

Внутренние особенности политических систем частично признанных государств в большинстве случаев замыкаются на сформированной или формирующейся трансцендентной политической культуре, но прежде всего на ее базовом компоненте – политическом сознании. Платформой политического сознания, в особенности для частично признанных государств, являются политические мифы, символы, менталитет и ценностные ориентации. В этих условиях политические мифы выступают в качестве некоего инструмента мировоззрения, основанного на экзистенциальном восприятии окружающего мира (преимущественно политической реальности) и национального и/или государственного предназначения. Любопытно, что коллективные предрассудки, стереотипы, исторический опыт и другие движущие силы социальной жизни, воздействовавшие на формат взаимодействия власти и социума, имеют особенность идентифицироваться как «национальный характер», это понятие предшествовало введению в научный оборот «политической культуры».

Для политической культуры в частично признанных государствах характерно: во-первых, отсутствие либо неразвитость базовых институтов гражданского общества, а в результате – завышенные ожидания общества в разрешении насущных проблем действующей властью; во-вторых, отсутствие со стороны общества поддержки политических институтов, в том числе некоторое пренебрежение правовыми нормами, при котором отдается приоритет, например, таким институтам прямой и неформальной демократии, как «народный сход»¹; в-третьих, учитывая, что большинством частично признанных государств этапы автономизации и суверенизации пройдены в условиях вооруженных конфликтов, зачастую диагностируется острая «постконфликтная рефлексия», выраженная отсутствием устойчивых политических традиций и наличием этнократических тенденций; в-четвертых, за редким исклю-

1 Токарев А.А. Что там у абхазов? (Точка зрения авторов, комментарии которых публикуются в рубрике «Говорят эксперты МГИМО») [Электронный ресурс] // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/>.

чением политические процессы и отношения в частично признанных государствах формируются в паритетном балансе легальности и легитимности. О последнем свидетельствует высокая частота политических пертурбаций в Абхазии, Южной Осетии и Косово.

В этой связи говорить о качественной оценке стабильности политических систем частично признанных государств по «линейке», размеченной показателями состояния политических систем признанных субъектов международного права, не приходится, базовые компоненты систем частично признанных государств дестабилизированы изначально. Но за внешним фасадом политических кризисов и сменой основных политических субъектов каким бы то ни было путем (протестным, электоральным и др.) в частично признанных государствах не скрывается комплексная реструктуризация политических процессов и отношений, поскольку: во-первых, внутри системы циркулируют элементы одного и того же истеблишмента, дифференцированного лишь по способам принятия решений и подходам к управлению; во-вторых, не претерпевают явного видоизменения внутренняя повестка, социальные запросы и целевые установки (внутриполитического и внешнеполитического блоков); в-третьих, низкий коэффициент конкордации (согласованности).

Таким образом, внутренние особенности политических систем частично признанных государств коррелируют со свойствами политических систем признанных государств, а с учетом специфики частично признанных государств подлежат оцениванию состояния их политические системы.

Внешние особенности политических систем частично признанных государств складываются на основе нескольких факторов.

1. Фактор внешнего покровительства. Внешняя заинтересованность в корректировке либо сохранении статус-кво частично признанной (чаще – непризнанной) политики является индикатором, который указывает на явную активность государства-патрона.

Практически все без исключения частично признанные государства подвержены всестороннему влиянию стран, инициировавших признание их международной правосубъектности. Посредством влияния устанавливается глубокая зависимость и подвижность политической системы в зависимости от политической риторики государств-метрополий (государств-патронов).

2. Фактор международной политической конъюнктуры. Отсутствие признания субъектности, паритета, автономности и самодостаточности на международной политической арене. Отсутствие возможности выстраивать равноправные контакты со всеми региональными субъектами.

3. Каузальность политических систем. В данном случае речь идет о состоянии, при котором политические системы частично признанных политий располагаются в «досягаемой» орбите политических систем государств-патронов, что усиливает их каузальную связь при различных трансформациях политического процесса и отношений. То есть политические события (изменение политического режима, смена вла-

сти, корректировка внешнеполитической и/или внутривнутриполитической концепции и др.) в государствах-патронах способны вызвать радикальную перестройку внутриполитической повестки частично признанных государств.

Таким образом, ограниченная международная субъектность, высокая степень всесторонней зависимости, органичная встроенность в политические системы наиболее масштабного и сложного порядка указывают (с высокой долей вероятности) на характерную неустойчивость политических систем частично признанных государств.

Выводы

Если устойчивость выступает базисом для стабильности, то в контексте частично признанных государств наиболее релевантное значение приобретает диагностирование статуса «продвижения» к состоянию устойчивости политической системы частично признанных государств (как политий, сильно зависимых от государств-патронов, внешних факторов и процессов).

Список источников

1. Бартенев, В.И. (2017), От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики [From "Failed States" to "Unstable States": The Logic of Conceptual Balancing Act], Полис. Политические исследования, № 2, с. 26-41.
2. Билюга, С.Э. (2018), Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем [Political Stability: Main Approaches to the Analysis of System Stability], Век глобализации, № 2, с. 46-56.
3. Большаков, А.Г. (2011), Институционализация этнических вооруженных конфликтов как механизм формирования государственной состоятельности на постсоветском пространстве (на примере региона Южный Кавказ) [Institutionalization of National Armed Forces as a Mechanism for the Formation of State Consistency in the Post-Soviet Space (on the Territory of the South Caucasus)], Политическая наука, № 2, с. 105-124.
4. Вилисов, М.В., Телин, К.О., Филимонов, К.Г. (2020), От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление [From Sustainability To Stability: What Makes Good Public Administration], Полития. Парадигмы общественного развития, № 1, с. 7-27.
5. Гаджиев, Х.А. (2019), Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования [Political Sustainability: Theoretical and Methodological Problems], ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура, № 2, с. 19-28.
6. Гаджиев, Х.А., Семченков, А.С. (2020), Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах [Political System Stability Index: Measurement Experience in Three Countries], PolitBook, № 1, с. 161-194.
7. Добронравин, Н.А. (2011), Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации [Unrecognized States in the «Gray Guard» of World Politics: Fundamentals of Survival and Sovereignization Rules]. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 56 с.
8. Категория политической науки [Category of Political Science] (2002), Москва: МГИМО (Университет) МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 656 с.
9. Макарычев, А.С. (1998), Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки [Stability and instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments], Полис. Политические исследования, № 1, с. 149-157.
10. Соловьев, А.И. (2003), Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации [Political Stability in the Sociocultural Dimension: Russian Explication], Государственное управление. Электронный вестник, № 1, с. 1-9.

11. Токарев, А.А. (2017), Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния [Comparative Analysis of Secession in the Post-Religious Space: Quantification of the Results of the Analysis], Полис. Политические исследования, № 4, с. 106-117.
12. Токарев, А.А. Что там у абхазов? (Точка зрения авторов, комментарии которых публикуются в рубрике «Говорят эксперты МГИМО») [What's with the Abkhazians? (Point of view of the Authors of the Magazine Section «MSIMO experts speak»)] [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/>.
13. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. (1972), A Garbage Can Model of Organizational Choice, Administrative Science Quarterly, № 17, pp. 1-25.
14. March, J.G., Olsen, J.P. (2006), Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions, No. 5, pp. 3-20.
15. Rotberg, R.I. (2003), Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation, pp. 1-25.
16. Waltz, K.N. (1979), Theory of International Politics. Reading: Adison-Wesley, 251 p.

Информация об авторе

ЛАСАРИЯ Айнар Отариевич. Кандидат политических наук. Старший научный сотрудник Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>. Адрес: 125047, Российская Федерация, Москва, Большая Садовая ул., 14. Las.ain@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2022. Принята к публикации: 15 апреля 2022. Опубликовано: 27.06.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bartenev, V.I. (2017), From “Failed States” to “Unstable States”: The Logic of Conceptual Balancing Act, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 2, pp. 26-41. (In Russian)
2. Bilyuga, S.E. (2018), Political Stability: Main Approaches to the Analysis of System Stability, Vek globalizatsii, No. 2, pp. 46-56. (In Russian)
3. Bol'shakov, A.G. (2011), Institutionalization of National Armed Forces as a Mechanism for the Formation of State Consistency in the Post-Soviet Space (on the Territory of the South Caucasus), Politicheskaya nauka, No. 2, pp. 105-124. (In Russian)
4. Vilisov, M.V., Telin, K.O., Filimonov, K.G. (2020), From Sustainability To Stability: What Makes Good Public Administration, Politiya. Paradigmy obshchestvennogo razvitiya, No. 1, pp. 7-27. (In Russian)

5. Gadzhiev, H.A. (2019), Political Sustainability: Theoretical and Methodological Problems, POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskuststvo. Sociologiya. Kultura. No. 2. pp. 19-28. (In Russian)
6. Gadzhiev, H.A., Semchenkov, A.S. (2020), Political System Stability Index: Measurement Experience in Three Countries, PolitBook, No. 1, pp. 161-194. (In Russian)
7. Dobronravin, N.A. (2011), Unrecognized States in the Gray Zone of World Politics: Fundamentals of Survival and Sovereignization Rules. SPb: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 56 p. (In Russian)
8. Category of Political Science. Moscow: MGIMO (Universitet) MID RF, «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2002. 656 p. (In Russian)
9. Makarychev, A.S. (1998), Stability and instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 1, pp. 149-157. (In Russian)
10. Solov'ev, A.I. (2003), Political Stability in the Sociocultural Dimension: Russian Explication, Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik, No. 1, pp. 1-9. (In Russian)
11. Tokarev, A.A. (2017), Comparative Analysis of Secession in the Post-Religious Space: Quantification of the Results of the Analysis, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 4, pp. 106-117. (In Russian)
12. Tokarev, A.A. What's with the Abkhazians? (Point of view of the Authors of the Magazine Section «MSIMO experts speak») [Electronic resource]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/> (data obrashcheniya: 05.02.2022). (In Russian)
13. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. (1972), A Garbage Can Model of Organizational Choice, Administrative Science Quarterly, No. 17, pp. 1-25.
14. March, J.G., Olsen, J.P. (2006), Elaborating the «New Institutionalism», The Oxford Handbook of Political Institutions, No. 5, pp. 3-20.
15. Rotberg, R.I. (2003), Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation, pp. 1-25.
16. Waltz, K.N. (1979), Theory of International Politics. Reading: Adison-Wesley, 251 p.

About the author

Aynar O. LASARIYA. CandSc (Polit). Senior Researcher, Military University of the Ministry of Defense, the Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>. Address: 14, Bolshaya. Sadovaya str., 125047, Moscow, Russian Federation, las.ain@mail.ru.

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 29, 2022. Approved after peer reviewing: April 8, 2022. Accepted for publication: April 15, 2022. Published: 27.06.2022

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.